

Советское общество до и после начала Великой Отечественной войны

А. А. Падерин*

Все дальше в историю уходят годы Великой Отечественной войны Советского Союза против нацистской Германии. Но даль времени и смена поколений не застилают от обращенного в прошлое пристального взора человечества героизм и мужество, с которыми советский народ, презирая страх смерти, защищал Родину.

С того памятного трагического дня, когда гитлеровские полчища вторглись на территорию СССР, прошло почти 70 лет. Однако не ослабевает, а, скорее, усиливается интерес наших соотечественников к тем суровым годам. Он объясняется не только чувством уважения к героическому прошлому своей страны, но и стремлением глубже понять истоки и корни современной политики руководства нашего государства.

Великая Отечественная война — главное событие семидесятилетнего советского периода российской истории. В то же время она вобрала в себя главный смысл и решила исход Второй мировой войны, так что ее правомерно рассматривать и как ключевое событие мировой истории XX века. Вот почему и шесть с половиной десятилетий спустя после своего завершения она остается в центре внимания общественной мысли, побуждает ученых, политиков, деятелей культуры к углубленным исследованиям и острым дискуссиям. Изучение трагического и героического опыта этой беспримерной в истории человечества войны — не уход в прошлое, а вы-

ход к самым актуальным проблемам современности. От того, как мы воспринимаем и понимаем ее причины, ее ход, непосредственные итоги и отдаленные последствия, напрямую зависит наша, как принято сегодня говорить, самоидентификация, а значит, и наша способность жить и творить свое будущее в современном мире.

За послевоенные десятилетия сильно поредели ряды фронтовиков, заметно поубавилось число прямых участников и свидетелей тех событий. На долю поколений, вступивших в жизнь уже в послевоенное время, выпали испытания если и несоизмеримые, то сопоставимые с ужасами войны, которую пришлось пережить отцам и дедам в далеких уже сороковых. Но вот парадокс: давняя война не только не ушла из памяти людей, но приобрела новую актуальность. Извлекаются не известные до сего времени не только широкой публике, но и науке архивные документы, обнаруживаются новые свидетельства, раскрываются роковые тайны, доступ к которым прежде был жестко заблокирован цензурными запретами и подписками о неразглашении. Военно-исторические исследования профессиональных, а более того «альтернативных», самостоятельных авторов становятся бестселлерами, их поток по сей день не иссякает.

Общественный интерес к истории войны в значительной мере подогревается и публикацией военно-исторических исследований, осуществленных за рубежом. Их авторы воспринимают события той войны под другим углом

* **Александр Александрович Падерин** — полковник в отставке, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

зрения и опираются на другие источники — отсюда столь непривычные для нас трактовки и концепции. Под воздействием разнообразной, обширной, к тому же нередко преподносимой весьма агрессивно информации в обществе зародилось и окрепло ощущение, что до сих пор мы настоящей правды о войне не знали, между тем как познание этой правды позволило бы нам, наконец, понять, кто мы есть, почему наша жизнь сложилась так, а не иначе, и какие перспективы сулит нам — стране и ее гражданам — ближайшее и отдаленное будущее.

Новые представления о войне 1939–1945 гг. несут в себе, безусловно, позитивный смысл, обогащая нашу историческую память и развивая наше историческое самосознание. Вместе с тем, они создают благоприятную почву для разного рода исторических спекуляций, которые нередко используются во враждебных нашему национальному самосознанию и Российскому государству целях. Духовные агрессии такого рода представляют вполне реальную опасность для российского общества, переживающего нынче весьма непростой период. Вот почему в начале минувшего года Указом президента РФ (№ 97 от 22.01.2010) образована Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории. Перед ней поставлена задача «обеспечения согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, направленной на противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

Одним из направлений фальсификации отечественной истории является распространение искаженных представлений о советском обществе кануна и периода Великой Отечественной войны.

Советское общество в войне 1941–1945 гг. достаточно широко освещается в отечественной литературе послевоенных десятилетий. В коллективных трудах, монографиях, статьях и брошюрах о войне, изданных до середины 1980-х годов, содержится немало глубоких и верных суждений, не утративших своего значения и в наше время. Ведущее место в них отводится теме советского народа-победителя, народа-героя, которому принадлежит главная заслуга в спасении страны и всего человечества от угрозы порабощения нацистскими агрессорами, их союзниками и сателлитами. Вместе с тем тема народа-мученика, анализ негативных явлений

в общественной жизни по существу сведены в работах тех лет к общим формулировкам о том, что огромные жертвы во имя свободы и независимости Родины, неисчислимы лишения и страдания не были напрасными и увенчались полной победой над врагом. В тени оставались вопросы цены победы, сотрудничества с противником части населения на оккупированной территории и военнопленных, негативных настроений, возникавших временами в стране и армии. Эта ставшая официальной трактовка фактически лишала историков возможности критического, альтернативного исследования войны, научного познания ее итогов и уроков.

Историками войны не был и не мог быть взят на вооружение в тогдашней общественной атмосфере призыв И. В. Сталина, прозвучавший в его выступлении перед избирателями Сталинского избирательного округа Москвы: «подвергать победителей критике и проверке, которые нужны для дела и для самих победителей, дабы они не зазнавались и оставались скромными»¹. Не получило, к сожалению, развития в историографии и признание Сталиным того, что у Советского правительства «было немало ошибок, были... моменты отчаянного положения»².

Впервые новый концептуальный подход к исследованию беспрецедентного по своим масштабам военного испытания для советского государства и общества был реализован авторами первого капитального труда о нем — шеститомного издания «История Великой Отечественной войны Советского Союза», предпринятого в 1960-е гг. Суть их подхода — в стремлении исследовать войну не просто как ожесточенное вооруженное столкновение, но и как **особое экстремальное состояние общества** (выделено мной. — А. П.), бескомпромиссное экономическое противоборство, жесткое дипломатическое и острейшее идеологическое противостояние, а также как противоестественное людское бытие в период военного лихолетья. Это был несомненный шаг вперед в исследовании советского общества периода войны.

Широкий диапазон событий, явлений и процессов Великой Отечественной войны, как решающей части Второй мировой, в их органичной взаимосвязи и тесном взаимодействии содержится также в издании 70–80-х гг. прошлого века — 12-томном фундаментальном труде «История второй мировой войны 1939–1945 гг.». Война в нем предстает не только как

борьба вооруженных сил, но и как суровое испытание жизнестойкости общественного строя и государственного организма воевавших стран. Авторы, руководствуясь официальной исторической концепцией того периода, раскрывают идейно-политическое единство советского общества, особенности функционирования государственных органов и учреждений, их взаимодействия с общественными организациями, опыт и вытекающие из него уроки превращения страны в единый военный лагерь, перестройки жизни общества с мирного на военный лад.

К сожалению, в вышеназванной, как и других работах того времени, при всей ценности содержащегося фактического материала многие подходы, мысли, отдельные формулировки — о советском патриотизме, незыблемой дружбе народов, руководящей роли партии, превосходстве социалистической экономики, прочности советского общественного строя — превратились в непререкаемые постулаты, перекочевывали из одних статей, книг, учебников, диссертаций в другие. При этом постепенно ослабевали критический анализ, научная доказательность, аргументация и, как следствие, снижались авторитет таких трудов и их эмоциональное воздействие на читателя.

Во второй половине 1980-х гг. картина стала постепенно меняться, но, к сожалению, не во всем в лучшую сторону. Получили распространение взгляды, противоположные традиционным. В моду входили тенденциозный подбор фактов — главным образом о военных неудачах и поражениях, сомнительные подсчеты людских потерь, обращение позитивного в негативное, настойчивые попытки принизить значение победы над фашизмом, умалить ее величие. Стало популярным ставить на одну доску агрессора и его жертву, затушевывая тем самым освободительный, антифашистский характер Великой Отечественной войны.

Часто анализ событий войны с усердием, достойным лучшего применения, подменялся критикой пороков советской системы и характера советского народа, одержавшего Великую Победу. В частности, по утверждениям представителей ревизионистского, как его порой называют сегодня, направления в современной отечественной исторической науке, в СССР не было гражданского общества, характеризующегося высокой активностью граждан, их способностью жить и действовать в соответствии со своим представлением о долге перед Отечеством:

якобы такого общества в условиях тоталитарного сталинского режима и быть не могло.

Каковы истоки такого весьма устойчивого стереотипного представления о советском обществе 1930-х — начала 1950-х гг., т. е. сталинского периода, как обществе бесправном, безгласном, не имеющем собственного мнения, отличающемся от официально тиражируемых установок? Основной аргумент его сторонников заключается в следующем: никакое иное общество не могла сформировать атмосфера страха в стране перед властью, широко применявшей репрессивные методы.

Это, на наш взгляд, глубокое заблуждение. Любой политический режим, даже диктаторский, не может существовать без поддержки общественного мнения. Сталинский режим тоже весьма эффективно использовал различные механизмы воздействия на сознание граждан — от пропаганды до террора, чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, работающие на поддержание авторитета режима. Но возникает вопрос: можно ли считать эти настроения общественным мнением?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо определиться, какой смысл мы вкладываем в само понятие «общество» и каким оно было в предвоенный и военный периоды.

Общество — это сложное и масштабное понятие, разноплановое по своему содержанию в различные эпохи. В широком смысле оно представляет собой совокупность исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности людей — экономических, социальных, политических, духовных. В более узком смысле общество понимается как совокупность разнообразных союзов людей, организованных сознательно (государство, армия, церковь, национальности, классы и др.) или возникших стихийно (митинги, различные собрания и т. д.). Общеизвестно и определение общества как совокупности всех социальных союзов (кроме государства), по Гегелю — «гражданского общества»³. Марксизм-ленинизм рассматривает общество как определенный тип общественно-экономической формации, общественно-классовых отношений.

Таким образом, во всех существующих толкованиях общества так или иначе просматривается, что по сути оно представляет собой совокупность различных исторически утвердившихся объединений людей в таких сферах (областях) их жизнедеятельности, как экономическая, социальная, политическая и духовная. В связи

с этим представляется необоснованной позиция тех исследователей истории советского общества, которые, ссылаясь на существовавшую при И. В. Сталине диктатуру, делают вывод о том, что в тех условиях настоящего общества по существу не было и быть не могло. Была, якобы, лишь видимость его.

В ответ на такое утверждение представляется убедительным следующий контраргумент: своеобразие явления, его непохожесть на то, что считается общепринятым и устоявшимся, отнюдь не означает отсутствия самого явления. Советское общество не было ни «молчаливым», ни абсолютно «верноподданным». Оно имело свое лицо и свой мир мнений⁴. Указанные качества характеризовали общественное мнение и в предвоенные годы, и в период Великой Отечественной войны. Восприятие людьми происходивших в стране, а затем на фронте и в тылу событий, их оценка зачастую отличались от оценок в официальной пропаганде. Мнение общества не было статичным. Оно определялось жизненными перипетиями того драматического времени, уровнем политической и общей культуры, а также житейским опытом наиболее активных граждан, делающих так или иначе свое мнение достоянием гласности.

С точки зрения некоторых исследователей, понятие «общество» неправомерно сводить лишь к набору каких-то определенных организаций, тем более — к какому-то виду организаций, в том числе так или иначе относившихся к власти. Это, утверждают они, — ограниченный подход. «Гражданское общество, — считает, например, доктор философских наук Ю. А. Красин, — это, на мой взгляд, все-таки качество общества, которое проявляется целым набором факторов. Это и грамотность, и образованность, и наличие гражданской позиции, и наличие гражданской энергии»⁵. Думается, справедливость данного утверждения очевидна: наличие перечисленных выше качеств у граждан, отдельных или объединившихся в те или иные общественные организации, является, несомненно, важнейшим критерием при рассмотрении вопроса о том, существует ли в стране высокоразвитое общество.

Любовь к Родине, стремление отстаивать независимость страны, не дать разорить свою землю, свой дом у россиян формировались веками. С началом Великой Отечественной войны их патриотизм усилился. Это было вызвано тем, что большинство граждан считали естественным и законным сложившийся в стране социально-

политический строй, закрепленный Конституцией СССР. Были наглядны и очевидны вошедшие в быт социальные достижения: бесплатное образование, медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье, отсутствие безработицы, уважение к людям труда, их производственным достижениям и т. п. И, что бы ни говорили сегодня, тогда народ в массе своей поддерживал партийное и государственное руководство Советского Союза. Именно в этом смысле правомерно говорить о морально-политическом единстве граждан СССР, лежавшем в основе прочного союза между фронтом и тылом, сплочения советского общества перед грозной опасностью со стороны фашистской агрессии.

В конце XX — первом десятилетии XXI веков в историографии кануна и периода Великой Отечественной войны все более утверждалась достаточно взвешенная и аргументированная точка зрения на природу советского общества, его вклад в достижение победы над нацистской Германией и ее союзниками⁶. Согласно ей, в отличие от государства, гражданское общество как определенная социальная система относительно независимых и самостоятельных институтов и межличностных отношений включает семью, общественные организации, Церковь, культурно-просветительные и другие объединения, «создаваемые для идентификации, выражения, согласования и защиты личностных, корпоративных, социальных запросов и интересов. Анализ документов, статистики, причинно-следственных связей позволяет говорить о характерной для периодов социалистического строительства и Великой Отечественной войны высокой общественной активности граждан, получившей весьма многомерное выражение. Война, как заключали исследователи, особенно убедительно показала, что народные массы в новых социальных условиях проявили себя решающей силой исторического процесса»⁷.

Лишь взвешенный, объективный подход к исследованиям позволяет дать убедительные аргументированные ответы на многие животрепещущие вопросы, важные для становления сегодняшнего российского общества. Какими мы встретили войну? Как и за что воевали? Какой была цена победы? В чем основа и смысл патриотизма?

Однако этот процесс не обходится без сложностей. «К сожалению, тема войны остается все еще политизированной, с чем нельзя согласиться, — вполне обоснованно констатировала в сво-

ем выступлении на военно-исторической конференции 20 июня 2001 г. в Министерстве обороны РФ ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук Н. К. Петрова. — Разумеется, утвердившийся в постсоветские годы плюрализм дал дорогу мировоззренческому многообразию, но требуется понимание того, что это многообразие должно служить познанию истины, а не являться средством подмены ее намеренными измышлениями и фальсификациями»⁸.

Конъюнктурное освещение событий 1930-х гг. и Великой Отечественной войны, обусловленное как идеологическим влиянием, так и слабой профессиональной подготовкой и нравственной неустойчивостью части исследователей, еще и сегодня наносит ощутимый вред подлинно научной разработке проблем. Нас не могут удовлетворить неполные, а подчас и неточные ответы, содержащиеся в некоторых трудах послевоенных лет, на многие вопросы. Антинаучна и вредна распространившаяся в последние годы в средствах массовой информации тенденциозная, дилетантская критика военных усилий СССР.

Как свидетельствуют документы архивов ЦК ВКП (б), ГКО, Прокуратуры СССР, имевшее место в советской историографии кануна и периода Великой Отечественной войны представление о тотальном монолитном сознании советских людей как признаке их морально-политического единства в военный период, привычке жить только по указке сверху не совсем верно. Простая логика подсказывает, что народ, «задавленный диктатурой» и лишенный самостоятельного мнения, активной жизненной позиции, не мог бы с таким энтузиазмом трудиться в годы социалистического строительства, так героически сражаться на фронте за свою Родину, столь самоотверженно относиться к работе в тылу, как это делали советские люди.

Для лучшего понимания истоков духовной стойкости советского народа в период военного лихолетья, как фронтовиков, так и труженников тыла, не заглядывая в глубь веков, обратимся к более близкому периоду — «заглянем» в 1930-е годы. В этой связи трудно не согласиться с известным российским историком В. А. Анфиловым, который в «Литературной газете» за 22 марта 1989 г. писал: «...Прежде нужно постараться понять простую истину: ход войны от ее трагедии до триумфа есть логическое следствие предвоенного состояния общества».

Весьма объективную характеристику настроений довоенного советского общества мы находим в эмигрантском журнале «Новый путь», редактировавшемся бывшим активным русским меньшевиком Ф. Ю. Данном, который не питал симпатий к советскому строю. 7 октября 1942 г. в статье «Чудо Сталинграда» (цит. по: Правда, 1989, 13 окт.) говорилось: «Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что при всех своих падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях революция, начавшаяся четверть века назад, вошла в плоть и кровь народных масс, что при всех невзгодах, лишениях, страданиях...она дала им какие-то достижения и, быть может, еще больше — какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею — идею социального освобождения».

Советское общество **кануна войны** (выделено мной. — А. П.) представляло собой удивительную, поистине небывалую картину и в социальном, и в демографическом плане. Как социальная организация оно формировалось под руководством возглавлявшей социалистическое строительство ВКП (б) — Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Ее деятельность определялась марксистско-ленинской идеологией.

Кардинальные политические и социально-экономические сдвиги, осуществленные в стране после 1917 г., затронули практически все сферы народной жизни. К 1936 г. была завершена начавшаяся со времени Октябрьской революции 1917 г. ликвидация частной собственности. В процессе революционных преобразований сложилось новое общество, основу которого составляли рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция. Буржуазия, помещики, зажиточные крестьяне, использовавшие наемный труд, исчезли с политической арены. Все население страны работало на государство.

В конце 1930-х гг. в выступлениях руководителей партии и правительства впервые прозвучал вывод об укреплении морально-политического единства советского общества. Так, в Отчетном докладе XVIII съезду ВКП (б) И. В. Сталин заявил: «В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно

признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества народов нашей страны, укрепление дружбы и, как результат всего этого, — полную демократизацию политической жизни страны...»⁹.

Как известно, строительство социализма в СССР представляло собой сложный и зачастую противоречивый процесс. На этом пути было все: и несомненные успехи, и труднопреодолимые препятствия. Естественно, и процесс формирования морально-политического единства советского общества тоже складывался весьма сложно, подчас противоречиво. Следует признать, что изучен он еще недостаточно. В отечественной исторической литературе его зачастую освещали слишком упрощенно. «Дело представлялось так, будто морально-политическое единство народа как бы автоматически следует из факта ликвидации в нашей стране к середине 1930-х годов кулачества в деревне и остатков нэпманской буржуазии в городе»¹⁰. Между тем это отнюдь не единственный, хотя и важнейший, фактор.

Многое в достижении данной исторической, а с учетом неотвратимо надвигавшейся большой войны поистине судьбоносной цели зависело и от того, насколько последовательно, обеспечивая единство провозглашаемых идей и практических действий, партийно-государственное руководство страны решало идейно-политические, социально-экономические, национально-государственные и духовно-культурные задачи. Ведь характер и реальное содержание процессов на каждом из этих направлений затрагивало интересы миллионов граждан, непосредственно влияло на формирование их взглядов, настроений и поведения.

Мировоззрение людей, живших в годы социалистического строительства, несомненно, формировала главным образом обстановка самоотверженного созидательного труда. Советские граждане в своем подавляющем большинстве чувствовали себя участниками великого дела, надеялись на светлое будущее. Во имя его они и работали с энтузиазмом, стойко переносили трудности и лишения, стремясь в кратчайший срок вывести страну на качественно новый экономический уровень. Ими высоко ценились очевидные успехи в экономике, социальной области, достигнутые страной за период от Ок-

тябрьской революции до начала 1940-х гг. Они были уверены в завтрашнем дне: основой такой уверенности являлись завоеванные в боях и труде, закрепленные в принятой на Чрезвычайном VIII съезде Советов в декабре 1936 г. новой Конституции СССР права и свободы. Особое значение в жизни каждого советского человека имели права на труд и гарантированный отдых, на бесплатное образование и медицинскую помощь, улучшение жилищных условий, доступ к науке и культуре.

Невысокий по сравнению с западным уровнем жизни официальной пропагандой объяснялся вполне убедительно: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов, создал современную индустрию. Нарастающая угроза войны обусловила проведение широкомасштабных мер по укреплению обороноспособности государства. Все это требовало больших усилий и затрат, направленных в конечном счете на достижение светлой цели — создание общества социальной справедливости.

Гражданам импонировало, что во всех звеньях государственного, партийного, хозяйственного, военного аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди» — стать профессорами и доцентами, артистами и писателями, офицерами и генералами, инженерами и руководителями предприятий, государственными и партийными деятелями. Положительно воспринималось и отсутствие явной безработицы, всемерно демонстрировавшееся уважение к людям труда, к их производственным достижениям, почет ударникам и стахановцам.

Таким образом, поддержка народом советского строя обуславливалась вполне реальной идеологической и социально-экономической базой. Большинство рабочих, крестьян и интеллигенции были убеждены в том, что они живут и работают при самом справедливом строе. «Люди верили, что строят на земле рай. Они были готовы на все. Жертвовали любой жизнью и в том числе — своей собственной»¹¹. Это в первую очередь и определяло морально-политическое состояние подавляющего большинства граждан, в том числе личного состава Вооруженных Сил.

Сложившаяся в СССР политическая система направлялась и контролировалась партией на основе решений ее съездов, что осуществлялось в процессе их работы, а в промежутках между

ними — Центральным Комитетом ВКП (б) и его Политбюро.

В государстве сформировалась жестко организованная структура управления. Характерными ее чертами являлись строгая централизация распоряжений и указаний, их безусловное («любой ценой») выполнение, подчинение аппарата исполнителей его руководителю. Это в той или иной степени распространялось и на деятельность массовых общественных организаций, которых в стране насчитывалось около трехсот: профсоюзы, комсомол, кооперативные объединения, женские организации, оборонно-спортивные и научно-технические общества, общества социальной помощи, творческие и культурно-просветительные союзы. Они объединяли десятки миллионов людей, которые в своем большинстве активное участие в деятельности данных организаций и союзов рассматривали как конкретный личный вклад в решение задач, стоящих перед обществом и государством.

Граждане СССР в основной своей массе оказывали доверие руководству партии и правительства во главе с И. В. Сталиным. Они поддерживали реализуемые меры по укреплению экономического и оборонного могущества страны, пусть даже за счет «затягивания поясов». Несмотря на «успокоительную» пропаганду в период с августа 1939 г. (после подписания с Германией пакта о ненападении) до начала агрессии (за неделю до нее, 14 июня, в сообщении ТАСС утверждалось, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»), население в своем большинстве понимало, что война приближается, верило в неиссякаемые силы страны и непобедимость Красной армии.

Эта вера подкреплялась активно тиражированными вплоть до начала войны пропагандистскими стереотипами (война «малой кровью», война «на чужой территории», «непоколебимость РККА» и т. п.). Их навязывание нанесло серьезный ущерб духовной подготовке всех классов и социальных групп, наций и народностей к предстоящим военным испытаниям.

На протяжении почти двух десятилетий в основе воспитания советских людей было марксистско-ленинское положение о пролетарском интернационализме. Лейтмотивом в системе образования, в работе общественных организаций, средств массовой информации была идея о неизбежности победы социализма во всем мире, подчеркивалось, что СССР являет-

ся оплотом трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров. Это глубоко проникло в сознание масс, и готовность выступить в защиту угнетенных народов была достаточно велика. Идеи освобождения, установления равенства и братства людей труда упали на благодатную почву — вера в историческую миссию России, призванной приносить благо другим народам, была традиционно сильной.

Возможность и эффективность сочетания национальных и интернациональных интересов убедительно показали испанские события 1936–1939 гг. СССР помогал республиканской Испании бороться против итало-германской агрессии, укрепляя тем самым собственную безопасность. Но одновременно эта поддержка породила надежды на социалистические преобразования на Пиренеях. И события в районе Халхин-Гола, и воссоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии с советскими республиками, и вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР воспринимались как решение двуединой задачи: укрепление СССР и освобождение трудящихся от капиталистического гнета.

В тесной связи с этим находилось и такое направление идеологической работы, как формирование в общественном сознании веры в предопределенность победы СССР над любым агрессором, поскольку народные массы капиталистических государств при всех обстоятельствах глубоко враждебны своим правительствам и в случае войны немедленно перейдут на сторону страны социализма. Эта ложная, надуманная установка породила неоправданные надежды на легкую победу, формировала шапкозакидательское настроение не только среди гражданского населения, но и, что было особенно вредно, — среди военнослужащих.

Походы Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, война с Финляндией вполне ясно выявили иллюзорность надежд на пролетарскую солидарность в предстоящей большой войне. Не случайно в мае 1940 г. и в январе 1941 г. Главное управление политической пропаганды Красной армии в своих докладах в ЦК ВКП (б) о состоянии военной пропаганды среди населения в числе «ложных установок в деле воспитания и пропаганды», негативно сказавшихся в «освободительных походах» 1939–1940 гг., наряду с культом опыта Гражданской войны и необъективной оценкой боеспособности войск Красной армии называло

«неправильное освещение» интернациональных задач, национализма и патриотизма. Предлагалось искоренить «глубоко укоренившийся предрассудок», будто население капиталистических стран, вступающих в войну против СССР, незамедлительно выступит против своих буржуазных правительств и перейдет на сторону Красной армии, а последней останется только пройти по территории этих стран триумфальным маршем и установить Советскую власть. «Нашу армию необходимо воспитывать на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа», — особо подчеркивалось во втором докладе¹².

Руководство СССР в обстановке неотвратимо надвигавшейся военной угрозы осознавало необходимость консолидации всех наций и народностей, рабочих, крестьян и различных социальных групп, уточнения соотношения между национальными и интернациональными основами патриотизма. Так, незадолго до войны И. Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым разъяснял: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом...»¹³.

Усиленная интернационалистская пропаганда послереволюционного периода, базировавшаяся на политическом и историческом обосновании единения всех угнетенных, пролетариев, всемирной народной поддержки первого государства рабочих и крестьян, в предвоенные годы официально не снималась с повестки дня, а была лишь отодвинута на более скромное место.

Со второй половины 1930-х гг. главными в идеологической работе стали воспитание патриотизма, пропаганда понятия Родины как Отечества, объединяющего граждан страны. Ядром Родины была Русь, сплотившая, как потом, в годы войны, будет записано в государственном гимне, все народы в нерушимый союз. Всемерно культивировалась мысль об их исконной дружбе, необходимости совместной борьбы против иноземных захватчиков.

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз представлял собой огромную индустриально-аграрную державу, где на тер-

ритории, составлявшей шестую часть земной суши, проживало более 100 наций и народностей общей численностью 190,7 млн человек. Существовавший строй объединял интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав Союза, хотя и различные, во многом неравноценные, воспринимались большинством граждан СССР как преимущество социалистического строя. Важным слагаемым характерного для того времени «чувства семьи единой» была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Перед войной Российская Федерация (РСФСР) с населением 110 млн человек занимала две трети территории СССР, где проживало свыше 100 народов и народностей¹⁴.

За годы Советской власти многие народы России, ранее значительно отстававшие от русских по уровню экономического развития и образования, сократили этот разрыв. Узбеки и казахи, татары и чуваша, многие другие народы обрели свою государственность, создали свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и т. д. Так, Башкирия до революции не имела ни одного высшего учебного заведения. В 1939 г. здесь было уже 4 вуза, 60 техникумов, 4 рабфака. В Татарии до революции был только один Казанский университет, в 1938 г. — 54 вуза и 23 тыс. студентов. Если в царской России в 1914 г. действовало 72 вуза с 86 тыс. студентов, то в 1941 г. — 481 вуз с 478 тыс. студентов. Количество газет на всех языках возросло с 35 до 437¹⁵.

Действенным воспитательным фактором, который основная масса советских людей считали привилегией своего государства и личным достоянием, была гордость за Красную Армию, «сильнейшую и непобедимую». Широкая общественность не знала и не могла знать, что в армии далеко не все обстоит благополучно. Между тем перечень тогдашних «болевых точек» армейского организма был весьма внушителен: незавершенность формирования и реорганизации; низкая укомплектованность войск командным составом и его слабая профессиональная подготовленность; недостаточная выучка личного состава подразделений и частей; далекая от требуемой слаженность штабов; отсутствие надежных средств связи, ремонта и эвакуации, транспорта для доставки горючего; острый дефицит новой боевой техники, инженерного вооружения; неподготовленность театра военных

действий. И что особенно прискорбно — спад воинской дисциплины.

Несмотря ни на что военная служба, согласно Конституции 1936 г., являлась «почетной обязанностью каждого гражданина СССР» и была таковой в жизни. Еще до «большой войны» участники боев в Испании, у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, в финской кампании пользовались уважением в обществе, особенно среди молодого поколения, а награжденные, к примеру, медалью «За отвагу», становились едва ли не национальными героями. После нападения нацистской Германии это отношение к Красной армии стало основой сплочения армии и народа.

С приходом в 1933 г. к власти в Германии нацистской партии во главе с Адольфом Гитлером ВКП (б) развернула непримиримую идеологическую борьбу с фашизмом, отождествляя его с агрессией и войной, разоблачая человеконенавистническую идеологию и захватническую политику. «Когда в Европе оформился зрелый фашизм, его смысл был достаточно ясен для всех. Вальтер Шуберт в известной книге «Европа и душа Востока» писал: «Смысл немецкого фашизма заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока... Когда Гитлер в своих речах, особенно ясно в своей речи в рейхстаге 20 февраля 1938 г., заявляет, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза, он ясно показывает, как глубоко ощущается на немецкой почве противопоставление Востоку — как судьбоносная проблема Европы»¹⁶.

В сознании советских людей фашизм в концентрированном виде олицетворял злейшего классового врага. Становилось все более очевидным, что этот враг, прежде всего германский нацизм, вынашивает агрессивные планы, в первую очередь против СССР. Поэтому наряду с активной подготовкой к вооруженному отпору фашизму было жизненно необходимо наращивать пропагандистскую работу по разоблачению германского агрессора. Однако вместо этого руководство СССР, подписав с нацистской Германией 23 августа 1939 г. вполне объяснимый пакт о ненападении, вдруг резко прекратило антифашистскую пропаганду, более того — стало оправдывать войну Германии против западных держав.

Недоумение советских людей и прогрессивной международной общественности еще более усилилось после заключения 28 сентября того же года советско-германского договора о «дружбе

и границе». Действительно, нелегко было понять, как можно строить «дружественные отношения» с германскими нацистами, начавшими войну с целью захвата и порабощения других народов. Подобная труднообъяснимая политическая и идеологическая переориентация сбивала с толку людей, деформировала классовые установки в общественном и индивидуальном сознании.

Такая внешняя политика отнюдь не способствовала морально-политической подготовке народа к отпору назревавшей фашистской агрессии. Однако антифашистское сознание советских людей, сформированное в предыдущие годы, было настолько укоренившимся, что его не смогли поколебать зигзаги внешней политики руководства страны и резкие пропагандистские повороты. Народ не питал иллюзий, предчувствуя, что война с германским фашизмом приближается, и готовился к ней. Важную роль в этом играли общественные организации.

Система общественных организаций, их деятельность развивались отнюдь не по прямой линии. Атмосфера сложившегося в стране культа личности И. В. Сталина, господство в обществе командно-административной системы давали о себе знать и здесь. Существенно ограничивалась самостоятельность общественных организаций, сковывалась их инициатива, искажались природа и роль в жизни страны. Серьезный ущерб их руководящим кадрам, активу наносили репрессии.

Несмотря ни на что размах массовой оборонной работы, проводимой общественными организациями, безусловно, не мог не сказаться благотворно на подготовке молодежи к службе в Вооруженных Силах СССР. В предвоенные годы армия и флот приняли пополнение, значительная часть которого прошла определенную военно-техническую подготовку.

Привлечение широких слоев населения к массовой оборонной работе, занятиям военно-прикладными видами спорта сыграло большую роль в укреплении обороноспособности в предвоенные годы, в подготовке молодежи к службе в армии и на флоте. Советские люди тесно связывали цели этой работы с задачами построения социализма в нашей стране, защиты СССР от посягательств со стороны агрессивных сил империализма. В этом коренились истоки высокого патриотического отношения трудящихся к изучению военного дела, подготовке к службе в Красной армии. «Мы были предвоенным поколением, мы знали, что нам предстоит война, —

писал К. М. Симонов в своих воспоминаниях. — Мы знали, что находимся в капиталистическом окружении, так и было на самом деле»¹⁷.

Более того, в этот тревожный, предгрозово-вой период ужесточение политического режима большинством народа воспринималось как вполне закономерная тенденция. Размышляя над этим феноменом общественного сознания, доктор исторических наук, профессор В. Н. Данилов пришел к следующему выводу: «Здесь можно согласиться с академиком Ю. А. Поляковым, который считает, что в народном сознании переплетались осуждение режима с иллюзорной идеей вынужденности репрессий для укрепления державы, понимание усиливающегося расхождения между словом и делом с убежденностью в правоте и реальности социалистических идеалов. Второе русло было главным»¹⁸.

Подготовка к отражению возможной агрессии осуществлялась в условиях воздействия на этот процесс всей политической системы государства, которая накануне войны представляла собой комплекс государственных и общественных организаций, руководимых ВКП(б). В качестве основных институтов этой системы выступали Советское государство, Коммунистическая партия, профсоюзы, комсомол и другие общественные организации. «Функционирование институтов политической системы налагало глубокий отпечаток на состояние советского общества, на протекание в нем процессов национально-государственного развития, на решение социально-экономических, политических и оборонных задач. Существовала и обратная связь. Под влиянием общественных процессов менялись средства, формы и методы воздействия тех или иных элементов политической системы на общество»¹⁹.

В годы начавшейся войны советское общество адекватно и остро реагировало на меняющуюся фронтовую ситуацию. Каждый период войны имел особую морально-психологическую доминанту.

Судя по воспоминаниям людей, переживших Великую Отечественную войну, в тот ошеломивший всех день, 22 июня 1941 г., мало кто из граждан СССР ожидал, что удар агрессора будет таким мощным. Для большинства советских граждан, любивших свою армию и безоглядно веривших в ее непобедимость, столь трагическое для нашей страны развитие событий на советско-германском фронте стало тяжелой неожиданностью. Это переживание убедительно опи-

сано, например, в воспоминаниях К. Ф. Телегина, работника Управления политпропаганды пограничных войск СССР: «...В первый день войны мы с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и отброшен назад. Такое настроение не проходило еще несколько дней, пока не прояснилась обстановка и не стала очевидной опасность совершенных врагом глубоких прорывов. Скучные, а порой и путаные вести с границы были столь неутешительными, что горький смысл их воспринимался с большим трудом»²⁰.

Только 3 июля народу была сообщена страшная правда о положении на фронте: было передано по радио и опубликовано в газетах выступление И. В. Сталина, который признал огромные территориальные утраты нашей страны. Он прямо заявил о нависшей над Родиной серьезной опасности: «Дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР... Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск»²¹. Выступление вождя, открывшего правду о трагическом положении на фронте, положило конец всем иллюзиям предвоенного времени, обусловило быстрый переход, по сути перелом, в настроении народа с мирного на военный лад.

У людей углубилось чувство тревоги, на их плечи легла непомерная тяжесть ответственности за судьбу Отечества. Ошеломляющие вести с фронта порождали недоуменные вопросы: о причинах отступления Красной армии, о том, куда делись наши танки и самолеты, почему боевые действия ведутся на советской, а не на вражеской территории, как обещано накануне войны, и т. д. «Шли первые недели войны, а под Львовом красноармейцы нашего восьмого мехкорпуса, — пишет в своем письме один из участников боев лета 1941 года, — спрашивали у комиссара Попеля: «Как там чувствует себя немецкий рабочий класс? Не поднял ли он восстание против Гитлера?»²².

В ЦК ВКП(б), на имя Сталина, в редакции газет поступали письма от фронтовиков, которые описывали удручающие картины отступления наших войск. Авторы давали различные объяснения этим поражениям: от чьих-то конкретных упущений, вызванных отсутствием опыта и низким профессионализмом, — до пред-

положений о предательстве командования. «Народ на фронте дерется хорошо. Но одного героизма мало... Надо централизовать руководство и тогда победа будет обеспечена», — говорится в одном из писем с фронта²³.

Настроения первых тяжелых военных недель показали, что советское общество периода Великой Отечественной войны обладало собственным, не всегда совпадавшим с официальными установками и оценками мнением, несмотря на жесткий контроль со стороны государства, фактическую ликвидацию конституционных прав и свобод.

После серии тяжелых поражений Красной армии летом и осенью 1941 г. моральный дух части населения страны, личного состава Красной армии заметно снизился. В докладных записках тыловых обкомов партии в Центральный Комитет ВКП(б) сообщалось о многочисленных фактах «нездоровых явлений», о безразличии некоторой части населения к происходящему в стране, о высказываемых сомнениях в правильности действий политического и военного руководства государства.

В Секретариат ЦК ВКП(б) приходили письма, жалобы и предложения от населения, в которых сообщалось о проблемах и недостатках в работе партийных и государственных органов на местах, о тяжелой жизни и быте трудящихся, о положении раненых в госпиталях, инвалидов войны, семей фронтовиков, воспитанников детских домов. Поступала информация о злоупотреблениях, чинимых отдельными руководителями на местах. Реакция центра была жесткой и неотвратимой. Так, первое постановление Секретариата ЦК, касавшееся деятельности местной партийной организации, вышло 17 сентября 1941 г. и называлось «О фактах плохой организации торговли продовольственными товарами на некоторых фабриках Ивановской области» (№ 13)²⁴. В документе Ивановский обком партии (первый секретарь Пальцев) был подвергнут жесткой критике.

Однако «буквально через месяц, в октябре 1941 г. по текстильным фабрикам города Иваново и области прокатилась мощная волна забастовок рабочих и работниц. И это происходило на родине первых Советов»²⁵. Своими забастовками, происходившими в момент, когда враг стоял под Москвой, работники ивановских фабрик не только протестовали против пренебрежительного отношения властей к их быту, но и выражали недоверие к политике руководства

государства, поставившего страну на грань катастрофы. Этот пример — лишь одно из многих свидетельств того, насколько близко к сердцу трудящиеся принимали сложившуюся для их Отечества трагическую ситуацию, реальную угрозу завоеваниям революции, судьбе подрастающих поколений.

Бесспорны, к сожалению, также явления и факты, свидетельствовавшие об антипатриотичном отношении к войне, своему гражданскому долгу. Немало встречалось граждан СССР, которые всячески ловчили, стремясь избежать отправки на фронт, отсидеться в тылу, а если, вопреки желанию, они все-таки вынуждены были надеть военную форму, то при первой же возможности дезертировали.

Такие настроения среди военнослужащих действующей армии усугублялись тем, что немецкое командование, используя свои спецслужбы и пропагандистский аппарат, вело постоянную работу по разложению наших войск. «В боевые порядки забрасывалось большое количество листовок, организовывались направленные радиопередачи. Путем дезинформации и клеветы немцы пытались вселить сомнение в победу Красной армии, восхваляли «новый порядок», установленный на оккупированной территории. наших военнослужащих склоняли к сдаче в плен. К сожалению, имели место случаи, когда отдельные солдаты, особенно из числа тех, чьи семьи находились на оккупированной территории, под воздействием вражеской пропаганды переходили на сторону немцев»²⁶.

К счастью, не эта категория граждан определяла судьбу Отечества. У преобладающей части населения Советского Союза сомнений не было: борьба против агрессора — дело справедливое, святое, ему надо отдать все силы, а, если требуется, то и саму жизнь, но во что бы то ни стало добиться победы. Это и являлось доминантой общественного мнения, получившей адекватное отражение в лозунге «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Воодушевляемые этим оптимистическим призывом, вооруженные защитники Отечества, труженики тыла постепенно укреплялись в своей вере в победу над врагом, проявляли огромную силу духа, высокие нравственные качества, исстари присущие народам Советской страны. Совершенные героические деяния на фронте и в тылу были подвигами во имя Отчизны, подвигами героев-патриотов, вошедшими в историю Великой Отечественной войны.

Главная особенность настроений военного времени у подавляющего большинства граждан СССР независимо от национальности, вероисповедания и политических взглядов — сочетание глубокого патриотизма и ненависти к агрессорам, волна которой до самого конца войны нарастала под воздействием целенаправленной агитационно-пропагандистской работы партийных комитетов и организаций, профсоюзов и комсомола, сообщений печати и радио о беспощадной жестокости оккупантов, насаждавших массовый, ничем не ограниченный террор, осуществлявших грабительские замыслы правителей нацистской Германии. Именно здесь находился источник того невиданного массового героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором будущей победы в ней.

Правда, глубокое осознание смертельной опасности, нависшей над Родиной, над каждым народом, каждым советским человеком, а также того, насколько трудным будет путь к победе над сильным и наглым агрессором, наступило отнюдь не сразу.

Под воздействием неблагоприятного для нас развития обстановки на фронте в советском обществе шла напряженная морально-психологическая перестройка: происходили постепенное и все более глубокое осознание истинных масштабов грозящей опасности, мучительное преодоление иллюзий, навеянных предвоенной официальной пропагандой.

Победа в Московской битве, явившаяся первым крупным поражением агрессора в связанной им войне, способствовала избавлению большинства советских людей от их сомнений, позволила народу и его армии воочию увидеть плоды своих героических усилий. Это было чрезвычайно важно.

Период от 22 июня 1941 г. вплоть до победы в Сталинградской битве в морально-психологическом плане характеризует то, что общество, большинство советских людей жили в постоянном напряжении: слишком реальной была угроза поражения, очень остро стоял вопрос о самой жизни и смерти советского государства, причем не только общественного строя, но и населявших страну народов. Это чувство страшной опасности, сочетавшееся с жившими в глубине души каждого надеждой и верой в конечную победу над агрессором, накладывало отпечаток на мысли и поведение гражданского населения и воинов Красной армии.

«Ярость благородная» — так можно кратко определить основную психологическую доминанту того периода, очень точно выраженную в известной песне. Но эта ярость смешивалась с горечью и болью особенно страшных потерь и поражений первых месяцев войны... По мере того, как... шок, вызванный разительным контрастом между довоенными представлениями о будущей войне и войной реальной, внезапно обрушившейся на советских людей среди мирной жизни... — по мере того, как этот шок проходил и росли горе и боль, которые нес агрессор на советскую землю, вскипала ярость, взывавшая к мести, было достигнуто определенное равновесие сознания, произошла его стабилизация...»²⁷.

Война, потребовавшая невероятных физических и духовных сил, постепенно раскрыла глубинные качества народа — бесстрашие, решимость преодолеть самые суровые испытания, самоотверженность, патриотизм не на словах, а на деле, гражданскую ответственность за судьбу Родины. Массовое патриотическое сознание проявлялось в настроении и практических делах советских людей. Прежде всего — на фронте.

Большинство фронтовиков проявляли героическую самоотверженность. Уже в первый день войны насмерть стояли пограничники многих застав, началась легендарная оборона Брестской крепости. В критические моменты летчики применяли таранные удары по вражеским самолетам. Сотни и тысячи воинов вступали в единоборство с танками противника. Бились до последнего патрона гарнизоны многих дотов.

Массовый героизм проявлялся при нанесении контрударов по врагу в 1941 г., а особенно в ходе контрнаступления под Москвой. Поразительные примеры самопожертвования дала Сталинградская битва. 18 августа 1942 г. белорус Покальчук и украинец Гутченко закрыли своими телами амбразуру вражеского дота. Изумительный подвиг совершили бойцы интернационального по составу стрелкового взвода лейтенанта Михаила Кабилова. Четверо суток штурмовали они одну из господствующих, сильно укрепленных противником высот и захватили ее. А затем оставшиеся в живых 11 воинов взвода отражали яростные атаки целого батальона гитлеровцев. Когда закончились боеприпасы, храбрецы встретили врагов штыками. В неравном бою советские воины уничтожили более 120 вражеских солдат и офицеров. Высокий наступательный порыв продемонстрировали воины Ленинград-

ского фронта, когда в январе 1943 г., разрывая кольцо блокады, преодолели под огнем врага покрытую льдом и снегом Неву.

После победы под Сталинградом стало ясно — удалось выстоять и остановить страшный напор вражеских армий. Наступил следующий этап в развитии морально-психологического настроения народа и армии, отразивший в себе два судьбоносных процесса в ходе вооруженной борьбы — коренной перелом и освобождение от агрессора советской территории. «Это был перелом не только в ходе войны, но и в настроении масс. Люди сами рвались в наступление, охваченные порывом, без которого ни одна армия «не может совершать великие дела»²⁸.

Главной чертой нового этапа было общее стремление как можно быстрее изгнать войска противника с советской земли. Огромное желание скорее свести счеты с оккупантами, накапать их за все зло, причиненное населению захваченных территорий, умножало силы воинов, укрепляло их мужество и отвагу в боях. Геройски сражались советские танкисты под Прохоровкой в июле 1943 г. — в самом крупном танковом сражении Второй мировой войны.

Беспримерным в истории войн ратным подвигом было массовое форсирование Днепра в сентябре 1943 г. Об этом 18 октября 1943 г. газета «Правда» писала: «Сражение за Днепр приняло поистине эпические размеры. Никогда еще не выделялось из множества храбрых советских воинов столько сверххрабрых. Красная армия, давшая уже миру столько примеров воинской отваги, словно превосходит самое себя».

Жаркой атмосферой боев, в ходе которых красноармейцы самоотверженно и умело били врага, веет от в общем-то суховатого изложения сути боевых подвигов в политических донесениях, написанных по свежим следам свершившихся событий. Вот, к примеру, документ за подписью начальника политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майора С. С. Шатилова. Свое донесение в ГлавПУ РККА от 30 октября 1943 г. он озаглавил очень конкретно: «О героизме личного состава войск фронта в боях за Правобережную Украину в период с 15 по 25 октября 1943 года». Описывается, в частности, подвиг двух пулеметчиков из полка под командованием майора Щербатых: «Отлично дрались с врагом рядовые этого полка отец и сын Бабичевы. Они составляли расчет станкового пулемета. Быстро меняя позиции и умело маскируясь, Бабичевы подпускали противника на близкое расстояние

и кинжальным огнем уничтожали врага. Благодаря их мужеству и умению были отражены две контратаки немцев. Перед огневой позицией Бабичевых осталось 72 трупа фашистов. В этом бою пал смертью храбрых старший Бабичев. Его сын поклялся отомстить гитлеровцам за смерть отца. Свою клятву он с честью выполняет. На другой день им было уничтожено из своего пулемета более 50 солдат и офицеров. Отец и сын Бабичевы представлены к правительственной награде»²⁹.

Таких документальных свидетельств самоотверженности и бесстрашия советских воинов великое множество. Причем делали они свое дело, думая лишь о том, чтобы как можно больше уничтожить ненавистных врагов. Благодаря прежде всего высокому боевому настрою личного состава, Красная армия с тяжелыми боями, но неудержимо продвигалась на запад.

Когда освобождение территории страны еще продолжалось, советские войска на отдельных участках фронта уже переходили границу СССР и приступали к избавлению народов Европы от фашистской оккупации. Теперь для морально-психологического настроения воинов-освободителей характерными были такие чувства, как интернационализм, гуманизм, солидарность с народами, испытавшими гнет фашистских оккупантов. Силами войск Красной армии после изгнания гитлеровцев освобожденному населению оказывались продовольственная и медицинская помощь, велись работы по восстановлению дорог и мостов, промышленных предприятий, школ и больниц.

При вступлении на территорию Германии советские воины переживали очень сложные, противоречивые чувства и настроения. Им было чрезвычайно трудно не поддаться чувству мести за гибель семьи и друзей, за вандализм и жестокость, проявленные врагом на советской земле. Нередко праведный гнев прорывался, выражаясь в различных актах насилия над гражданским немецким населением, в бессмысленном уничтожении предметов быта и роскоши. Но постепенно под воздействием применявшихся командованием суровых наказаний, а также разъяснительной работы политотделов большинству личного состава удалось перестроиться, научиться более сдержанно относиться к немцам, проявляя издревле присущее нашему народу великодушие по отношению к побежденным.

Ощущение близости победы также было важным фактором, влиявшим на мысли и чувства советских воинов. В душе каждого невольно зарождалось желание дожить до этого счастливого дня. Труднее стало подниматься в атаку, большее терять однополчан, страшнее самому сложить голову в бою. Однако брало верх осознание того, что врага надо добить в его «собственном логове». И поднимались в атаки, и падали под градом пуль и осколков в полушаге до победы, сполна выполняя свой долг перед Родиной. Такая участь в завершающей военной кампании постигла более 800 тыс. советских воинов из почти 7 млн ее участников³⁰.

В некоторых политических донесениях приводятся факты, характеризующие взаимоотношения между советскими военнослужащими, в том числе между командирами и подчиненными. Например, начальник политического отдела 5-й ударной армии генерал-майор Е. Е. Кошечев в своем донесении от 23 апреля 1945 г. начальнику политуправления 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту С. Ф. Галаджеву сообщает о подвиге солдата: «Красноармеец 905 сп 248 сд тов. Тесля во время артобстрела своим телом закрыл раненого командира роты старшего лейтенанта Воронина, получив при этом тяжелое ранение. Сам истекая кровью, тов. Тесля вынес с поля боя старшего лейтенанта Воронина»³¹.

Отметим высокую цену данного солдатского подвига: до победы оставались считанные дни. Однако в боевой обстановке, где смерть витала над головой, чувства проявлялись острее, обнаженнее: соображения собственной безопасности подавлялись чувством фронтового братства. Поэтому делились последним сухарем и глотком воды, укрывались одной плащ-палаткой, вытаскивали раненых из-под огня, закрывали собой от пуль. «Наша армия спокон веков сильна своим великим воинским братством, — писал Д. П. Ковтун из госпиталя на фронт сыну Олегу, — и оно, это великое братство, дает нам силы и мужество для того, чтобы побеждать»³².

В ходе войны у защитников Отечества проявились огромная сила духа, высокие нравственные качества, исстари присущие народам Советской страны. Совершенные в борьбе с агрессорами героические деяния были подвигами во имя Отчизны, подвигами героев-патриотов, вошедшими в историю Великой Отечественной войны. Несомненно, долго еще будет жить в народной памяти беспредельная стойкость защитников Брестской крепости, военно-морской

базы Лиепая, Таллина, Моонзундских островов и полуострова Ханко, Одессы и Севастополя, Ленинграда и Москвы, Сталинграда и Новороссийска, Заполярья и Кавказских перевалов.

Это о них на бетонной мраморной плите Мамаева кургана высечены бессмертные слова: «Железный ветер бил им в лицо, а они все шли вперед, и снова чувство суеверного страха охватывало противника, люди ли шли в атаку — смертны ли они!». А в пантеоне, завершающем экспозицию мемориального комплекса Сталинградской битвы, написано: «Да, мы были простыми смертными, и мало кто уцелел из нас, но все мы выполнили свой долг перед священной матерью — Родиной».

Патриотизм народа проявлялся не только в героизме на поле боя, в самоотверженном труде для максимального обеспечения нужд действующей армии, но и в сознательном заинтересованном отношении к событиям на фронте, в тылу, на международной арене. Газета, радио, доклад, беседа превратились даже для малообразованных слушателей в жизненную потребность. Несмотря на определенные различия в настроениях жителей города и сельской местности, тыловых и прифронтовых, а в дальнейшем и освобожденных районов, все жадно ловили каждое слово об обстановке на фронтах.

Государственный патриотизм, гармонически сочетавшийся с национальными традициями населявших СССР народов и их общими жизненными интересами, а также гордость за страну, сопричастность ее успехам и неудачам — это были главные побудительные мотивы непоколебимой верности Отечеству, факторы формирования патриотических общественных настроений и личной позиции граждан в то трудное время, самоотверженных действий не только на фронте, но и в тылу.

В тылу большинство советских людей подчинили свою жизнь интересам фронта. Своим трудом они выиграли битву за металл и хлеб, топливо и сырье, за создание оружия победы. Они трудились по двенадцать и более часов в сутки, без выходных и отпусков. Даже во время налетов немецкой авиации на прифронтовые города не прекращалась работа. А если учесть нехватку продуктов, самых элементарных вещей, холод в нерегулярно отапливаемых домах, то станет ясно, в каких суровых условиях жили и трудились люди. Но они знали: действующая армия ждет самолеты, танки, орудия, боеприпасы. И старались произвести их как можно больше.

Велик был трудовой подвиг населения Москвы, Ленинграда, Сталинграда и других городов-героев.

Почти все предприятия столицы, прежде всего машиностроительные и металлообрабатывающие, с первых дней войны переключились на выпуск военной продукции: автозавод, заводы «Красный пролетарий», им. С. Орджоникидзе, им. Владимира Ильича, «Динамо», «Станколит», «Компрессор», «Фрезер», «Калибр» и другие включились в выполнение срочных заказов фронта. В цехах круглосуточно шла напряженная работа. Однако ситуация на фронте все более осложнялась, враг приближался к столице, многие крупнейшие предприятия города эвакуировались на восток вместе с трудовыми коллективами. Но работа на оставшихся предприятиях продолжалась. Роль Москвы в военном производстве значительно возросла после разгрома немцев в Московской битве и последовавшей за этим эвакуацией многих промышленных предприятий. За годы войны машиностроительные заводы столицы произвели 16 тыс. самолетов, тысячи танков и САУ, 130 тыс. минометов, более 3,5 млн пулеметов-пистолетов, свыше 3,7 тыс. реактивных установок, 287 млн боеприпасов³³.

Наряду с выпуском военной продукции москвичи изыскивали и другие формы помощи фронту. Активное участие принимали во всенародных движениях по финансовой, материальной, социальной и моральной поддержке действующей армии. Так, они явились инициаторами массового движения за создание Фонда обороны. Уже к 20 августа 1941 г. внесли в него 11 млн, а к 11 октября — около 75 млн рублей. Трудящиеся Москвы первыми начали сбор личных средств на постройку танков и самолетов. Здесь широкий размах получили также другие патриотические движения: за годы войны донорами сдано для фронта более 520 тыс. литров крови, жители столицы собрали и отправили фронтовикам свыше 522 тыс. подарков³⁴.

Мир был потрясен необычайной стойкостью ленинградцев. В условиях жесточайшей блокады, при хроническом недостатке или полном отсутствии электроэнергии и топлива, в холоде, под постоянными артиллерийскими обстрелами и бомбежкой, на полуголодном пайке, когда люди тысячами умирали от истощения, население города вносило огромный вклад в боевое и материально-техническое обеспечение Ленинградского фронта, Балтийского флота, ВВС, ча-

стей противовоздушной обороны, Ладожской военной флотилии, а иногда и других фронтов, как было в период битвы за Москву.

На судостроительных заводах ремонтировались сотни боевых кораблей, строились плавсредства для «Дороги жизни», переоборудовались и вооружались транспортные суда для выполнения боевых и народно-хозяйственных задач. За период блокады города трудовые коллективы Ленинграда сумели изготовить и отремонтировать 2 тыс. танков, 1500 самолетов, выпустить около 10 млн снарядов и мин, 225 тыс. пулеметов-пистолетов, 12 тыс. минометов и много другой боевой техники и оружия³⁵.

Героически проявили себя сталинградские рабочие. Летом 1942 г. коллектив крупнейшего предприятия города — Сталинградского тракторного завода продолжал наращивать выпуск гусеничных тракторов, имевших оборонное значение. Одновременно заводчанами решалась еще более важная и ответственная задача — производство среднего танка Т-34. Работа в цехах не замирала ни на один час. В августе 1942 г. завод отправил в действующую армию 390 боевых машин³⁶.

Пример работы по-фронтовому показывал и «Красный Октябрь», оставшийся в 1941 г. единственным металлургическим заводом юга страны. Он выпускал 70 марок высоколегированной стали³⁷. Металлурги за короткий срок освоили производство сложных приспособлений для минометов, наладили выпуск стальных ежей для противотанковых заграждений, бронированных колпаков для дотов. Вся эта продукция была важна для ведения боев в городских условиях.

Жизнь населения Сталинграда³⁸ и близлежащих районов, так же, как и населения всей страны, была подчинена интересам фронта. Мирные жители зачастую действовали в интересах обороны города по собственной инициативе. Имена многих из них остались неизвестными. 75 тыс. жителей областного центра, или 10,6 % городского населения (по состоянию на 23 августа 1942 г.), вступили в войска, оборонявшие Сталинград³⁹.

В годы войны массовым было участие женщин как непосредственно в вооруженной защите страны, так и в оказании помощи фронту. В рядах Красной армии находились около 600 тыс. женщин, в том числе офицеров — более 80 тыс. В тылу, заменив ушедших на фронт отцов и братьев, мужей и сынов, женщины

вынесли на своих плечах основную тяжесть труда в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве и на транспорте. Они составляли около трех пятых всех рабочих и служащих в промышленности. Многие из них овладели профессиями, считавшимися традиционно мужскими: работали электросварщиками, токарями, слесарями, электромонтерами, кузнецами, машинистами компрессоров и паровых машин, на лесоповале, на расчистке от снега железнодорожных путей и т. д. В сельском хозяйстве к концу войны женщины составляли почти три четверти рабочей силы.

В 1942 г. развернулось соревнование за повышение производительности труда, наращивание выпуска военной продукции, досрочное выполнение фронтовых заказов. Высокими темпами росло число «двухсотников», «трехсотников», «тысячников», выполнявших производственные задания на 200, 300, 1000 процентов. Передовикам присваивались звания стахановцев и ударников. К началу 1944 г. их число достигло 4,2 млн человек.

Практиковались разные формы трудового соревнования. Рабочие вели индивидуальные личные счета, участвовали в движении за звание фронтовой бригады, за создание фондов в целях финансовой, материальной поддержки действующей армии.

Широкий размах получило движение комсомольско-молодежных бригад. Зародившись в октябре 1941 г., оно довольно быстро превратилось в силу, эффективно влиявшую на реализацию производственных планов. К октябрю 1944 г. таких бригад насчитывалось 114 692, в них входили около 800 тыс. молодых рабочих. За высокие достижения в труде многим бригадам присваивалось наименование фронтовых.

Крупные изменения произошли в сельской местности. Крестьянин прежде всего становился солдатом, причем в несшей наибольшие потери пехоте. На протяжении большей части войны деревня не знала никаких льгот по призыву. Быстро сокращалось ее трудоспособное население. В армию и промышленность в 1941–1945 гг. из колхозов ушли как минимум 13,5 млн мужчин-хлеборобов, механизаторов, техников⁴⁰. На фермах и полях работали в основном женщины, старики и подростки.

Из-за утраты территории при отступлении Красной армии в 1941–1942 гг. посевная площадь СССР сократилась на 41,9%. Из районов, которые были оккупированы противником,

удалось заблаговременно эвакуировать более половины поголовья скота, принадлежавшего колхозам. Но сохранилось его только 13%. Часть скота погибла в пути от артобстрелов и бомбардировок, много его было сдано советским воинским частям, а затем государству в виде заготовок в счет обязательных поставок колхозов тыловых районов⁴¹.

Сельское население жило и трудилось в очень суровых условиях. Тем не менее даже в самое тяжелое время (особенно в 1943 г., когда был получен наиболее низкий урожай сельскохозяйственной продукции) труженики села при соблюдении режима экономии обеспечили фронт и население необходимым продовольствием. «...Колхозы (артельно-кооперативное производство) дали стране 94,2% хлебных заготовок. И это оказалось тем спасительным минимумом для населения и основой фронтового хлебного довольствия. Колхозное крестьянство внесло незаменимый, во многом жертвенный вклад в достижение экономической победы над врагом»⁴².

Высокую самоотверженность в тыловой работе проявляли представители всех возрастных групп населения, мужчины и женщины, рядовые рабочие, колхозники и руководители высокого ранга. Подростки в возрасте 14–17 лет нередко сутками не покидали территорию предприятий. К концу войны в промышленности, строительстве и на транспорте они составляли более десятой части общего числа работников.

В годы войны плодотворно трудились советские ученые. 23 июля 1941 г. Президиум Академии наук СССР принял решение перенацелить работу научных коллективов на укрепление оборонной мощи страны. Ученые оказывали оперативную помощь предприятиям в освоении производства новых видов изделий, совершенствовании технологических процессов. Они внесли незаменимый вклад в поиск новых месторождений нефти и других полезных ископаемых, подготовку высококвалифицированных специалистов, создание новых образцов оружия и т. д. Вместе с тем они не прерывали фундаментальных исследований. С лета 1943 г. в АН СССР под руководством академика И. Курчатова возобновились исследования в области ядерной физики.

В интересах повышения военной мощи страны работали и те ученые, которые были репрессированы. Создавались особые конструкторские бюро (ОКБ) под надзором НКВД.

В народе их называли «шарашками». Одной из них руководил легендарный авиаконструктор А. Туполев, который со своими помощниками из числа заключенных сконструировал фронтовой бомбардировщик Ту-2 и в 1941 г. был освобожден из заключения.

Верность патриотическому долгу советские люди проявляли в самой экстремальной, даже безнадежной обстановке. Так, большинство попавших в окружение воинов Красной армии, понимая свою обреченность, продолжали сражаться: у них была уверенность в том, что их гибель не напрасна. В то же время среди оказавшихся в плену или в оккупации были и такие, кто служил немцам, считая, что Германия победит. Но основная масса советских людей, даже находясь на захваченной агрессором территории, верили в конечную победу Красной армии. Без этой веры были бы невозможны невооруженное сопротивление населения оккупантам, а тем

более — партизанское движение, подпольная борьба в городах.

Таким образом, главная особенность настроений военного времени у подавляющего большинства граждан СССР независимо от национальности, вероисповедания и политических взглядов — сочетание глубокого патриотизма и ненависти к агрессорам, волна которой до самого конца войны нарастала под воздействием целенаправленной агитационно-пропагандистской работы партийных комитетов и организаций, профсоюзов и комсомола, сообщений печати и радио о беспощадной жестокости оккупантов, насаждавших массовый, ничем не ограниченный террор, осуществлявших грабительские замыслы правителей нацистской Германии. Именно здесь находился источник того невиданного массового героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором нашей Великой Победы.

¹ Сталин И. В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского округа г. Москвы. М., 1950. С. 23.

² Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 196.

³ Гегель Г. Соч. М., 1934. Т. 7. С. 223; Российский энциклопедический словарь. М.: «Большая российская энциклопедия», 2000. С. 390.

⁴ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 223; Армия и общество. 1900–1941 гг. Статьи, документы. — М., 1999. С. 14.

⁵ Общественный контроль национальной политики безопасности. Материалы «круглого стола». М.: Научный эксперт, 2007. С. 165.

⁶ См., в частности: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М.: Наука, 1999; Государство и общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: ИВИ МО РФ. — 2002; Мировые войны XX века. В 4 книгах. М., 2002 // Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 453–468; Война и общество. 1941–1945 гг. В 2 книгах. М., 2004; Социология Великой Победы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. С. 254–307; Война и общество в XX веке. В трех кн. / Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2008 // Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. С. 189–239 // 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; МГИМО (ун-т) МИД России. М., 2010 // Т. 3. С. 212–248; Т. 4. С. 15–22.

⁷ См.: Социология Великой Победы. С. 254.

⁸ 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Военно-историческая конференция. Специальный выпуск: приложение к «Военно-историческому журналу». 2001. № 2. С. 72.

⁹ XVIII съезд ВКП (б): Стенографический отчет. М., 1939. С. 16.

¹⁰ Курицын В. М. Выступление на встрече историков, философов, деятелей культуры // 30-е годы: взгляд из сегодня. М.: Наука, 1990. С. 89.

¹¹ Кожин В. Пятый пункт: Межнациональные противоречия в России (Русская правда). М.: Язуза, Эксмо, 2005. С. 82.

¹² Известия ЦК КПСС. 1990, № 3. С. 198–201; № 5. С. 191–192.

¹³ Вопросы истории, 2000. № 7. С. 42.

¹⁴ Мировые войны XX века. В 4 книгах. М., 2002. Книга 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 455.

¹⁵ Мировые войны XX века. С. 455.

¹⁶ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. С. 549.

¹⁷ Знамя. 1968. № 3. С. 36.

- ¹⁸ Данилов В. Н. Великая Отечественная война в российской истории // Страницы Великой Отечественной... (К 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук, № 3 (15). Военная история. Саратов, 2005. С. 13; См.: Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 184.
- ¹⁹ Советский Союз: накануне великих испытаний. Монография. Изд-во ГУП «Клинцовская городская типография», 2004. С. 360.
- ²⁰ Цит. по: 30-е годы: взгляд из сегодня. М.: Наука, 1990. С. 163.
- ²¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 23, 27–28.
- ²² Самсонов А. М. Знать и помнить. Диалог историка с читателями. М., 1989. С. 80.
- ²³ Цит. по: 30-е годы: взгляд из сегодня. С. 169.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 3.
- ²⁵ Черепанов В. В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М.: Издательство «Известия», 2006. С. 395.
- ²⁶ Прокофьев В. И. Александр Сахаровский. Начальник внешней разведки. М.: Яуза, Эксмо, 2005 (Незримый фронт). С. 39–40.
- ²⁷ Социология Великой Победы. С. 232–233.
- ²⁸ Социология Великой Победы. С. 233.
- ²⁹ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 7. Л. 3, 4. Заверенная копия.
- ³⁰ Военная Энциклопедия: В 8 томах. — Т. 2: Вавилония — Гюйс. М.: Воениздат, 1994. С. 44–45.
- ³¹ ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2374. Д. 92. Л. 21–23. Подлинник.
- ³² Социология Великой Победы. С. 239.
- ³³ Всероссийская Книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. М., 1995. С. 271.
- ³⁴ История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период 1941–1965. М., 1967. С. 43–44; Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы. — М., 1974. С. 187, 189.
- ³⁵ Всероссийская Книга памяти... С. 272.
- ³⁶ Сталинградская битва в истории России: Восьмые юношеские чтения, 29 марта 2003 г. : Сборник докладов / Отв. ред. М. М. Загорюлько. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2004. С. 144.
- ³⁷ Там же. С. 144.
- ³⁸ Там же. С. 236.
- ³⁹ Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград, 2005. С. 548.
- ⁴⁰ Всероссийская книга памяти... С. 296.
- ⁴¹ Там же. С. 300.
- ⁴² Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. 1941–1945: история и психология подвига. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 152.